

Многие классические музыкальные произведения имеют большие размеры, что затрудняет их постановку. В практике оперных спектаклей некоторые купюры приобрели постоянный характер.

Театры руководствуются добрым стремлением укоротить спектакль, усилить его динамику, устранив так называемые «длинные». Все это вполне объяснимо и в принципе не может вызывать возражений. Ностораживает другое: порою у постановщиков теряется чувство меры, от чего нарушаются необходимые пропорции в архитектонике произведения и страдают важные и яркие музыкальные фрагменты.

Мысль эта не нова. Она не раз высказывалась со страниц печати и специальных журналов. Но, к сожалению, требует повторения и в нашем городе.

На мой взгляд, Свердловский академический театр к работе над некоторыми произведениями подходит не совсем академически и не проявляет необходимой осторожности в купюрах. Об этом свидетельствует, например, ряд премьер прошлого и нынешнего сезонов — «Дон Карлос», «Искатели жемчуга», «Снегурочка». Создается впечатление, что театр главным образом заботится о сокращении «метража», недостаточно уделяя внимания тому, за счет чего это достигается. Конечно, вопрос продолжительности спектакля — важный вопрос, но, спрашивается, почему «Фауст» может оканчиваться позже 11 часов, а «Снегурочка» нет?

В опере Верди «Дон Карлос» постановщики, взяв за основу редакцию, осуществленную Большим театром, полностью изъядли первый акт (сцена в Фонтенебло), имеющий важное смысловое

значение для экспозиции всего произведения. Кроме того, превосходная музыка этого акта, проникнутая светлым, радостным настроением, хорошо контрастирует с мрачным колоритом других актов оперы. Не случайно же большинство театров (в том числе

действия. Вспомним только такие реплики Бобыля, как «У Бакулы-бобыля ни кола, ни двора», «Ну чем же я, Бакула, не боярин», «До песен я не было падох», или превосходную сцену-диалог между Бермятой и Берендеем. Все это осталось за пределами спектакля.

— Ну а что тогда сокращать, если в принципе быть не против купюр? — спросит кто-нибудь.

жемчуга» к этому добавляется стремление под флагом осовременивания классики «исправить» композитора. Здесь режиссерская концепция вообще не считается с замыслом автора. Ведь никому же не придет в голову перетасовывать персонажи, скажем, в «Ревизоре»: слова городничего передать почтмейстеру, а Осипа или Землянику вообще исключить из действия. Почему же возможны

значительное количество музыки, а также частично ее перекомпоновать. Очень большим переделкам подверглось либретто оперы. Некоторые ситуации оказались выброшенными, кардинально изменен финал (в опере Зурга, жертвуя собой, спасает Надиру и Лейлу; в спектакле Нахир и Лейла погибают по приказу Зурги). Если Бизе, несмотря на традиционную условность ситуаций и персонажей либретто, сумел создать правдивые и реалистические образы, придал экзотическим ритуальным и бытовым сценам эмоциональную силу и яркость колорита, то в постановке нашего театра произошла обратная замена. Из спектакля исчезли рыбки и искатели жемчуга, а появились не то жрецы, не то колдуньи и факиры. Идя дальше по пути превращения «Искателей жемчуга» в восточную сказку или легенду, постановщик ввел в спектакль пантомиму, которая разыгрывается артистами балета в сопровождении ударных инструментов, что не очень уместно в лирической опере. Механически пристегнутое к музыкальной ткани оперы, это ударное сопровождение никак не гармонирует с прозрачной лирикой и эмоциональным строем музыки Бизе.

Под стать режиссерской концепции спектакля и его оформление. Трудно в этом спектакле, не зная содержания оперы, определить место и время действия.

Эта статья написана на исходе театрального сезона. Очевидно, она могла появиться и раньше, потому что мысли, высказанные в ней, волнуют многих музыковедов, любителей оперного искусства. Не исключены и противоположные мнения. Ну что ж, давайте поспорим!

И независимо от точек зрения, пожелаем нашему театру успешных летних гастролей.

В. ПОРСКА.

НУЖНО ЛИ «ПОДПРАВЛЯТЬ» КЛАССИКУ?

Ленинградский малый оперный) на такие сокращения не идет.

При постановке «Снегурочки» на свердловской сцене все пять картин оперы (четыре акта и пролог) сохранены, но зато значительно урезаны. Исчезла из произведения ария Кулавы («Снегурочка, я счастлива»), превосходно характеризующая образ молодой девушки и являющаяся одним из лучших музыкальных номеров оперы. В «Снегурочке» наряду с главными героями оперы (Снегурочка, Берендей, Мизгирь, Кулава, Лель) имеются менее крупные, но также весьма важные сказочные персонажи (Весна-Красна, Дед Мороз, Леший) и бытовые образы. В своей постановке театр особенно ополчился на последних. Выкинут целиком Бермята, а от партии Бобыля и Бобылихи остались только «прожки да ножки», образы начисто лишены колоритности. А между тем у Римского-Корсакова все эти персонажи выписаны очень ярко и вносят необходимое жанровое разнообразие и живость

Мне кажется, лучше было пожертвовать хором гусяров в начале второго акта, начальной сценой третьего акта (до появления Берендея), но сохранить наиболее яркие сценки характерных персонажей, тем более, что хоровых номеров в опере довольно много. Что же касается партии Кулавы, то более уместно было скупюровать вместо арии «Снегурочка, я счастлива» жалобу Кулавы в конце первого акта: «Хмелинушка, тычинная былинка», поскольку первая ярче по музыке и существеннее для характеристики Кулавы. И вообще, на мой взгляд, при проведении купюр, видимо, лучше идти по пути сокращения внутри отдельных номеров (как это сделано например, в ариях Весны, Деда Мороза, в хоре птиц и др.), чем полностью выкидывать отдельные сценки.

Если «Снегурочка» являет собой пример чрезмерного увлечения купюрами, о которых можно спорить, то в постановке «Искателей

такие произвольные замены в музыкальном спектакле?

Подобный подход отражает неверный тезис о том, что автор спектакля — режиссер, а произведение лишь повод для проявления его творчества. В плену таких представлений оказались, как мне кажется, постановщики «Искателей жемчуга» (дирижер — В. Горелик, режиссер — Ю. Федосеев, художник — В. Серебровский). Вероятно, они стремились отойти от традиционных решений, найти наиболее яркие и оригинальные формы, но жаль, что при этом не посчитались с музыкой оперы, замыслом ее автора.

Написанная композитором в трех актах, эта опера волею постановщиков превратилась в двухчастное представление. (За последнее время в драматических театрах возникла мода на короткометражные пьесы; видимо, это сыграло известную роль и при постановке оперы).

Поскольку три акта превратились в два, пришлось сократить

23 МАЯ 1969